

15 ФЕВ 1981

Советская Татария
г. Казань

49207

ДЖАЛИЛЬ: ГОДЫ УЧЕБЫ

Первое мое знакомство с Мусой Джалилем произошло в то памятное, на всю жизнь запомнившееся утро 1923 года. Я тогда вместе с другими сельскими парнями прибыл в Казань для поступления на Татарский рабфак.

Робея и волнуясь, мы вошли во двор здания, где нам предстояло учиться. К нам подошел молодой человек. Черная сатиновая косоворотка, перехваченная широким ремнем, такого же цвета брюки и ботинки сидели на нем ладно. Он поздоровался, спросил:

— Учиться приехали?

— Да! Да! — отозвались мы наперебой.

Он вынул из кармана блокнот, стал записывать наши фамилии, имена, возраст, образование, из каких районов прибыли. Не дожидаясь, когда мы спросим его о предстоящих экзаменах, объяснил, по каким дисциплинам придется подвергаться испытаниям.

— Не волнуйтесь, джигиты, не нервничайте! — сказал он. — Экзаменов будут люди, вышедшие из семей рабочих и крестьян. Им ни к чему заваливать нашего брата. Родина нуждается в специалистах, вышедших из народа. И кого, как не нас, принять на рабочий факультет? По окончании этого учебного заведения нас направят по нашему желанию в сельскохозяйственный или педагогический институты, либо в университет. Там мы и получим высшее образование, никогда не снившееся татарам, башкирам и другим народам Российской империи.

Надо же было такому случиться, что я попал в шестиместную комнату, в которой уже успел расположиться этот симпатичный мой сверстник. И когда мы остались одни, он представился:

— Муса. Прибыл из Оренбургского края. Учиться будем вместе. Тут я очутился раньше вашего, поэтому мне и поручили встречать вас, размещать, — пояснил он.

Однако жить мне в этой комнате вместе с ним долго не пришлось. Месяца через три руководство рабфака поселило Джалиля в двухместной комнате. Стало известно, что он — поэт.

Но Джалиль не закрывал на замок дверь своей комнаты, он всегда был рад

каждому, приходившему к нему после учебных занятий. Отложив в сторону тетрадь в кожаном переплете, куда он записывал свои стихи, Муса охотно вступал в разговор. Он был эрудированнее нас. Объяснялось это, возможно, тем, что он много читал. На этажерке у него лежали произведения русских и татарских классиков. Он охотно давал нам почитать эти книги, а принимая обратное, интересовался, что в том или другом произведении больше всего понравилось.

Случалось, и при том не раз, когда Муса заходил в нашу шестиместную комнату со своими новыми стихами. Поудобнее разместившись за единственным столом и затаив дыхание, мы слушали. Читал он выразительно, нараспев, то повышая голос, то понижая его до шепота. Его стихи были эмоциональны, вызывали то гнев, то радость. Темой их служила жизнь человеческая, борьба правды со злом. Стихи были правдивы, жизнеутверждающи, рождали ненависть к врагам Советской Отчизны, любовь к людям, строящим новый мир. Потом Муса Джалиль скажет о том времени так: «В годы рабфака в моем творчестве наметился переворот. В 1924 году я стал писать совсем иначе. Революционная борьба, рабочие будни фабрик и заводов, жизнь новой деревни входят в стихи в своем реальножизненном виде».

Мы, его сверстники, а коль скоро питались в одной столовой, то и одноклассники, видели, как на наших глазах формировался поэт-гражданин, как рос, совершенствовался его талант, интеллект. В Казани он познал радость настоящего творчества.

Своим обаянием Джалиль покорял нас, а в стихах он взывал к нашему сердцу, разуму. С ним мы чувствовали себя как-то легко, возвышенно. Его образ, образ энергичного, волевого молодого человека, невольно возникает у меня, когда я прохожу по тем улицам и переулкам, на которых бывал вместе с Мусой в студенческие годы.

А. САФИН.

Бывший студент Татрабфака.